

§11 СВОБОДА МЫСЛИ, СОВЕСТИ, РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ

Иошкин М.В., Ованесян И.Г., Слезин А.А.

АТЕИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМСОМОЛА В ГОДЫ ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

Аннотация. Предмет исследования составляют взаимоотношения широких слоев молодежи с комсомолом, стремившимися ликвидировать религиозные настроения в советском обществе. Главное внимание уделено изучению атеистического влияния ВЛКСМ на молодежь на рубеже 1950-х-1960-х гг.- в период, который стал переломным как в отношениях церкви и государства, так и в воспитании новых поколений, которым светские власти предрекали жизнь при коммунизме. Один из основных сюжетов статьи посвящен анализу комсомольской деятельности, направленной на отделение от религии народных традиций, приспособление их к задачам пропаганды коммунистической идеологии и советского образа жизни. Комсомол рассматривается как социокультурный феномен XX века. При изучении атеистического влияния на молодежь авторы исходили из того, что атеизм является одной из форм свободомыслия в отношении к религии, вполне закономерным элементом духовной и этической жизни. Показано, что атеистическая работа в комсомоле была в основном направлена не на борьбу с религиозными взглядами, а на закрепление атеистического мировоззрения у самих комсомольцев. Однако полностью преодолеть религиозное влияние по-прежнему не удавалось и внутри ВЛКСМ. Отвлечению молодежи от религии служила не столько антирелигиозная работа комсомола в узком смысле слова, сколько его успешная культурно-массовая работа, организация кружков различных направлений. С помощью новой советской обрядности все более узкой становилась сфера влияния обрядности религиозной.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-31-01002.

Ключевые слова: молодежь, религия, атеизм, комсомол, обрядность, пропаганда, досуг, народные традиции, комсомольская свадьба, освоение космоса.

Abstract. *The subject of this research is the interrelation of the diverse classes of youth with Komsomol, which strived to eliminate the religious moods in the Soviet society. Attention is focused on the examination of the atheistic influence of Komsomol upon youth on the brink of the 1950's – 1960's, a period that became crucial in the relations between the church and the state, as well as upbringing of the new generations, which according to the Soviet authorities were destined to live in the era of Communism. One of the main plots of this article is dedicated to the analysis of the activity of Komsomol aimed at separation of the religion from the folk traditions, and their adaptiveness to the tasks of propaganda of the Communist ideology, as well as the Soviet style lifestyle. Komsomol is being viewed as a sociocultural phenomenon of the XX century. In study of the atheistic influence upon the youth, the authors based themselves on the fact that atheism is one of the forms of the freethought with regards to religion, and a rather characteristic element of the spiritual and ethical life. It is demonstrated that atheistic work in Komsomol was primarily aimed not at the struggle against the religious views, but at the consolidation of the atheistic outlook among the members of Komsomol themselves. However, the attempts to completely overcome the religious influence within Komsomol have failed. The Komsomol was leading the youth away from religion not as much by its antireligious work, as much as by its successful cultural-public work, and organization of groups of diverse interests. The broader was impact of the new Soviet culture, the narrower became the influence of the religious culture upon the society.*

Key words: Space exploration, Komsomol wedding, Folk traditions, Leisure, Propaganda, Culture, Komsomol, Atheism, Religion, Youth.

Коммунистический союз молодежи с первых лет своего существования проявил себя как авангардная сила в борьбе с религией. Именно «антирелигиозная деятельность комсомола способствовала тому, что в глазах многих российских граждан созидательный потенциал комсомола уходил на второй план» [2, с. 32]. Причем в этой сфере также напрямую проявлялось подчинение комсомола коммунистической партии. Из-за изменений партийной политики в отношении религии в 1940-е гг. антирелигиозная деятельность комсомола была фактически свернута, а в 1950-е гг. отношение комсомола к религии развивалось зигзагообразно [8].

Цель данной статьи – показать особенности комсомольской атеистической практики на рубеже 1950-х-1960-х гг. и оценить эффективность атеистической деятельности комсомола с позиций интересов общества и государства.

Основной источниковой базы статьи являются материалы Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Региональная локализация позво-

ляет уточнить многие выводы с помощью более детального изучения процессов и явлений.

После смерти И. В. Сталина оживила антирелигиозная риторика 1930-х гг. В марте 1954 г. в отчете секретаря ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепина на XII съезде ВЛКСМ был теоретически обоснован старт новой антирелигиозной кампании на всесоюзном уровне. Идеологически агрессивный характер имело и постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» [23, с. 428-432]. Однако 10 ноября 1954 г. было принято новое Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» [23, с. 446-450]. Указывалось на недопустимость привнесения в идеологическую борьбу административных мер, оскорблений религиозных чувств верующих, в том числе и служителей культа, за партией (а значит и комсомолом) признавалось право на ведение освобожденной от какой-либо политизации научно-атеистической пропаганды. В результате реальностью середины 1950-х гг. стало ослабление борьбы с религией в ВЛКСМ.

В сложившихся условиях все чаще и чаще даже штатные комсомольские руководители участвовали в религиозных обрядах. В 1956 г., например, в селе Полетаево огромная толпа народа наблюдала, как во главе свадебной процессии шел жених с иконой – инструктор Полетаевского райкома ВЛКСМ. Открыто венчались секретарь комсомольской организации колхоза им. Калинина Первомайского района Селявин, секретарь комсомольской организации колхоза «Путь Ленина» Платоновского района Блудов (как и его жена – передовая свиноводка, он был членом райкома ВЛКСМ). В Первомайском районе обычными стали шествия с иконами с активным участием молодежи. Комсомольцы колхоза имени Калинина даже удивились, когда представитель обкома ВЛКСМ поставил на комсомольском собрании вопрос об исключении из рядов ВЛКСМ за участие в религиозных обрядах [15, д. 1336, л. 26].

Тем не менее, как показывают переписка органов власти по вопросам атеистической пропаганды, справки и докладные записки уполномоченного Совета по делам о религиозных культах при Тамбовском облисполкоме, в первую очередь у представителей власти вызывало неприятие проявление религиозности членами коммунистических организаций. Коммунисты и комсомольцы, участвующие в религиозных обрядах (в том числе и похоронных) назывались «пропагандистами за религию» [14, д. 11111, л. 72]. Только за первый квартал 1957 г. в 7 районах Тамбовской области за участие в религиозных обрядах было исключено 58 человек [15, д. 1336, л. 26].

Комсомольская организация нацеливалась заниматься и несоюзной молодежью. При этом существующее положение государственными органами оценивалось неудовлетворительно: «Комсомольские организации школ, учебных заведений занимаются вопросами атеизма тогда, когда совершится тот или иной проступок комсомольца, но пройдут мимо случая, несовместимого с нашими нормами морали, допущенного юношей или девушкой, если они не члены ВЛКСМ» [14, д. 11111, л. 21].

На местах к комсомольцам, совершившим религиозные обряды, старались применять взыскания не строже выговора. Даже за венчание

чаще всего наказывали строгим выговором. По крайней мере, как правило, в первичных организациях находилось немало комсомольцев, готовых простить венчавшихся комсомольцев. Показательно, что у комсомолки – студентки музыкального училища, подрабатывающей в церковном хоре, нашлось немало сочувствующих. Секретарь бюро ВЛКСМ курса открыто заявила: «А что тут особенного? Если бы у меня возникли материальные трудности, я бы, наверное, тоже не прочь подработать в церкви».

Ситуация в корне изменилась после антирелигиозных решений партийного руководства в 1958 г.

На атеистическом направлении в комсомольской действительности всего изучаемого периода четко проявились две тенденции.

Первая тенденция проявлялась в тяготении к административным методам борьбы с религией, в определенном смысле, к возвращению к радикальным методам работы комсомола прежних лет. Находилось немало радикально настроенных комсомольцев, призывающих «каленным железом комсомольского гнева» [21] выжигать любое проявление молодежной религиозности.

Однако проявления данной тенденции все глубже переплетались с элементами убеждения, перевоспитания. Даже в самих требованиях к коммунистическим организациям, как правило, одновременно присутствовали и напоминания о необходимости разъяснительной работы, и запугивание административными мерами.

В 1958 г., в частности, рассматривались персональные дела справлявшей религиозные праздники комсомолки – работницы райздравоотдела в Инжавинском районе, второго секретаря Инжавинского райкома комсомола, чья мать состояла членом ревизионной комиссии церкви с. Тернового, студентки 5-го курса факультета иностранных языков Тамбовского педагогического института, вышедшей замуж за выпускника Ленинградской духовной академии [14, д. 11111, л. 25]. Особое возмущение партийных и комсомольских органов вызвало посещение церкви учащимися (в том числе комсомольцами) Тамбовского музыкального училища. В течение двух лет они участвовали в церковном хоре [14, д. 10972, л. 33].

«Совет друзей» при средней школе №6 г. Тамбова в 1959 г. сумел вернуть в пионерскую организацию двух детей религиозно настроенных родителей [15, д. 1427, л. 70]. Комсомольцы и молодежь призывались учиться верности комсомольским принципам у десятиклассницы из Лысогорского района Нины Калмыковой. Вопреки воле глубоковерующих родителей она вступила в комсомол, а затем ушла из родительского дома, превратив с родителями всяческие отношения [15, д. 1428, л. 42].

Нередко применялись радикальные внутрисоюзные меры в борьбе с религиозными обрядами. Так, в колхозе «Искра» Лысогорского района после массового венчания молодежи комсомольская организация исключила из союза 14 человек [15, д. 1428, л. 42-43].

В 1961 г. в качестве наиболее вредных проявлений религиозности руководящие органы областной комсомольской организации называли факты совместного хранения комсомольских билетов и религиозной литературы в Избердеевском районе [15, д. 11870, л. 25].

Инжавинские райком ВЛКСМ и районный отдел культуры, проводя «рейд по снятию икон», начали с выявления икон в домах комсомольских активистов, работников клубов и библиотек – всех, кто в той или иной степени связан с работой по воспитанию молодежи. После выявления икон, хотя они располагались в той или иной квартире, строгие беседы велись с осуществляющими воспитательную работу. В результате в тех домах, где проводился рейд, иконы были в основном сняты (на 75%) [15, д. 11870, л. 22].

Бондарский райком ВЛКСМ организовал комсомольские посты по предотвращению посещений молодежью и учащимися школ церкви. С замеченными в посещении церкви молодыми людьми проводились воспитательные беседы [15, д. 11870, л. 22].

Практиковалось также обследование семей, в которых дети не носили пионерские галстуки. Если выяснялось, что это происходило по инициативе верующих родителей, с ними, как и самими детьми проводились беседы, как по месту работы (учебы), так и по месту жительства [15, д. 11870, л. 23].

Как и в первые десятилетия советской власти, резко осуждались любые контакты комсомольцев со священниками. Так, на ряде комсомольских форумов в качестве недопустимого для комсомольца упоминался поступок молодого лаборанта Алгасовской школы: увидев лежавшего на земле священника, он оказал ему помощь, отнес человека домой. Как оказалось, священник был пьян, а потом в благодарность «угостил водкой» и молодого помощника. Это усугубило вину юноши перед комсомолом [15, д. 1511, л. 152].

В 1962 г. комсомольские активисты Инжавинского района развернули агитационную кампанию за выход верующих родителей из церковной «двадцатки». Прежде всего, давление оказывалось на их взрослых детей – комсомольцев, после неоднократных бесед с ними те стали убеждать выйти из церковного органа родителей. Результатом явилось открытое письмо двух жителей района о выходе из состава «двадцатки» Михайлово-Архангельской церкви. Один из них, Алексей Дмитриевич Жмырев, пошел дальше, заявив в статье в районной газете: «...Никакого бога нет. Все это выдумка религии» [14, д. 11870, л. 21-22].

Особое внимание руководящие органы комсомола и профсоюзов обратили на работу со «старшим поколением родителей» – дедами и бабушками: «Именно они зачастую стремятся привить детям реакционное религиозное мировоззрение, приучают детей носить нательные кресты, заучивать молитвы, исполнять религиозные обряды, избегать участия в общественной жизни» [14, д. 11870, л. 92].

В комсомольской печати была развернута кампания осуждения пожилых людей, пытавшихся приобщить внуков к вере предков. В этой связи нам представляется показательной статья, опубликованная в газете «Комсомольское знамя» 10 июня 1964 г. «Не пошел Витька в церковь». Описывается совершенно рядовой случай: приехавшая заменить отдыхающих на Черном море родителей бабушка во время прогулки пригласила внука зайти с ней в церковь (не помолиться, просто зайти). Но описано это как событие чрезвычайное. На рисунке, сопровождавшем статью, изображена злобная старуха, которая буквально затаскивает бедного ребенка за церковную ограду. Показательны и заключитель-

ные строки статьи. Вожатый отряда, в который входил внук, просит оставить мальчика в покое («Иначе я вынужден буду дать телеграмму его родителям»). Последнее предложение звучит для атеистов победоносно: «Больше бабушка не брала внука в церковь...».

В дни религиозных праздников проводились комсомольские воскресники по благоустройству сел.

Осенью 1960 г. вопросы противодействия религии обсуждались на пленуме Тамбовского обкома ВЛКСМ, всех районных и городских комитетов области. В январе-феврале 1961 г. в большинстве первичных комсомольских организаций прошли комсомольские собрания с повесткой дня «О состоянии естественно-научной и атеистической пропаганды и задачах комсомольской организации», «Отношение комсомола к религии». В июне 1961 г. вопрос был обсужден на заседании бюро Тамбовского обкома ВЛКСМ. В мае 1962 г. секретарь Тамбовского обкома ВЛКСМ Е. Косолапов по-прежнему негативно оценивал состояние антирелигиозной деятельности абсолютного большинства комсомольских первичных организаций: «Многие комитеты комсомола непринципиально, беззубо относятся к фактам справления молодежью и комсомольцами религиозных обрядов, забывают о том, что участие в них и пребывание в комсомоле, согласно Уставу ВЛКСМ, несовместимы. Либерально относятся к тем родителям, которые заставляют детей посещать церковь. Не используют такой меры, как лишение их родительских прав». По его оценке «отдачи даже от проводимой работы нет» [15, д. 11870, л. 26].

В 1953 г. Тамбовский обком ВЛКСМ оценивал общины истинно православных христиан в Тамбовской области как «антисоветское подполье церковников», призывающее население не признавать советскую власть, стремящееся оторвать молодежь от общественной жизни, запугивающее население скорым концом света и страшным судом, ожидающим новой войны и прихода американцев [15, д. 1156, л. 155]. В последующие годы, хотя официальные оценки ИПХ и ИПЦ стали значительно сдержаннее, осознание, что это один из самых серьезных оппонентов в борьбе за молодежь, в коммуни-

стических организациях отнюдь не исчезло. А в 1964 г. время как будто повернуло назад: во всяком случае, на страницы областной газеты «Комсомольское знамя» вернулась прежняя антирелигиозная лексика [20; 30].

На рубеже 1950-х-1960-х гг. все нагляднее проявлялась тенденция к усилению просветительской роли комсомола. Широко использовались формы клубной работы: вечера, естественно-научные устные журналы, атеистические фильмы.

В Ленинском районе г. Тамбова традиционным стал конкурс на лучший религиозный вечер. Причем пример в организации интересных антирелигиозных вечеров подавал сам райком комсомола. В феврале 1958 г., например, на вечере, организованном райкомом, молодежь одобрительно отреагировала на демонстрацию химических опытов, с интересом посмотрела документальный фильм «Вселенная», выслушала выступление Н.И. Сомова – атеиста, в юности получившего степень кандидата богословия [13].

Во всех школах Мучкапского района проходили химические и физические вечера, призванные разоблачить чудеса религии. В районе действовала также специальная агитбригада, выступающая с концертной программой атеистического содержания [15, д. 11870, л. 23-24].

Как решающий аргумент в борьбе с религией многие комсомольцы восприняли запуск советского искусственного спутника Земли. Типичное название антирелигиозных вечеров конца 1950-х гг.: «Небо без бога». Молодежь нередко участвовала в астрономических викторинах, слушала голос «маленькой луны», записанный на пленку.

На практике аргументация многих «новых» атеистов, тем не менее, по-прежнему отличалась примитивностью и прямолинейностью. Как бабушка не могла толком объяснить наличие Бога, так и ее внучка из рассказа в журнале «Смена» объясняла отсутствие Бога фактически без серьезных аргументов: «Потому как если бы был, да еще на небе, его обязательно в планетарии показывали бы. Я с папой в планетарии была и все видела. И полярное сияние, и солнце, и луну, и звездочки. Даже эти... как их... ну, меритеры, ну, камешки, что с неба падают. Все показывали, а бога не показывали. Значит, его нет» [12].

В 1961 г. обкомом ВЛКСМ и областным отделением общества «Знание» была организована областная школа подготовки лекторов (7 потоков). Перед молодежными лекторами выступали ведущие специалисты по атеизму, преподаватели кафедры философии педагогического института, сотрудники КГБ, бывшие верующие.

В большинстве первичных комсомольских организаций Сосновского района в начале 1961 г. прошли комсомольские собрания с повестками дня «О состоянии естественно-научной и атеистической пропаганды и задачах комсомольской организации», «Об отношении комсомольца к религии» и т.п. В районе постоянно работал семинар по атеизму, организовывались «Дни атеиста». При районном Доме культуры был создан кабинет атеиста, в нем устанавливалось дежурство лекторов-атеистов. На «десятидворках» раз в неделю проводились громкие чтения атеистической литературы. Часто практиковались кинолекции. При школах работали кружки «Юный атеист». В клубах повсеместно проходили устные журналы с показами химических опытов, рассказами об успехах отечественной науки, литературные атеистические вечера, читательские конференции и обзоры литературы. Религиозным празднованиям были противопоставлены торжественные комсомольские обряды: «Поздравляю с днем рождения», «Русская зима», «Золотая осень», «День урожая», «Бал цветов» [15, д. 1511, л. 9]. С большой активностью во многих школах района прошли читательские конференции по книге В.Тендрякова «Чудотворная». Высокой посещаемостью отличались комсомольско-молодежные вечера «Наука и религия», «Наука в борьбе за урожай», «Медицина, религия и знахарство», «История огня», устные журналы, атеистические викторины [14, д. 11525, л. 11-12].

Нередко в антирелигиозной работе комсомола проявлялись элементы своеобразного соревнования с церковью. Так, первый секретарь Тамбовского обкома ВЛКСМ Ю. Сепелев напрямую сравнивал работу священнослужителей и атеистов в Инжавинском районе: «В районе 188 лекторов отделения общества по распространению политических и научных знаний и группы докладчиков райкома ВЛКСМ. За год они прочи-

тали всего 15 лекций на антирелигиозные темы. В то же время священник Терновской церкви за год провел 375 проповедей, а церковью в районе – три» [31].

Пропаганда здорового образа жизни, научного мировоззрения, общественно-полезного проведения свободного времени молодыми атеистами и с современных позиций вызывает только одобрение. Осуждение вызывает другое: радикальное неприятие некоторыми комсомольцами любых народных традиций, даже тех, которые имеют весьма отдаленную связь с религией (кулачных боев, свадебных обрядов, например). Часто сама лексика атеистов отворачивала от них молодежь, которая колебалась в своих убеждениях. Например, руководитель лекторской группы обкома ВЛКСМ Е.Морозов, по его словам, увидев на девушке самодельный пластмассовый крест, обратился к ней: «Зачем... эту дрянь на своей шее носишь, себя унижаешь?» [26].

Религиозность однозначно рассматривалась в комсомоле как повод для критики. Неслучайно даже в планах работы комсомольских организаций данным вопросам планировалось посвящать именно сатирические выпуски стенных и световых газет [14, д.12113, л. 51].

В комсомольско-молодежной печати сохранился назидательный, непримиримый тон по отношению к верующим. Показательно в этом отношении стихотворение Е. Ермилова «Последняя богомолка», опубликованное «Комсомольским знаменем» 19 января 1958 г. Во многом оно отражает логику атеистов именно того времени, когда началось освоение космических пространств: чтобы убедить старушку, что Бога нет, ее высаживают на Марсе: «Мотор рассыплет вешний гром. / В улыбке просят лица – / Взовется пулей чудо-птица – / И дрогнет весь ракетодом. / На Марсе высадят. И вот / К старушке той экскурсовод: / – Смотри, мамаша, никого!.. / Ну, где он, бог твой?.. / – Нет его...»

Как противовес религиозным обрядам широко практиковались комсомольские обряды и ритуалы, во многом впитавшие народные традиции.

В частности, в борьбе с религиозным обрядом венчания значительно чаще (по сравнению

с административными мерами) приоритет отдавался комсомольским свадьбам.

Перед партийными и комсомольскими организациями ставилась задача «знать, кто из молодежи завода, фабрики, мастерской, совхоза, колхоза выходит замуж, женится и брать инициативу в свои руки по организации комсомольской свадьбы» [14, д. 11589, л. 64].

В данный период на комсомольских свадьбах уже не были приоритетными их прежние агитационно-политизированные черты. Ушли в безвозвратное прошлое традиции 1920-х гг., когда на свадьбах «заслушивали политические доклады, собирали пожертвования голодающим и пролетариям других стран» [7, с. 180]. В то же время теперь комсомольские свадьбы широко использовали для прославления трудовых достижений, чествования передовиков производства, популяризации рабочих и сельскохозяйственных профессий. Неслучайно в песне «Колхозно-свадебная» (музыка Л.Толмачева, слова М.Репина) невеста в первую очередь славилась как «всем известная доярка, молодая героиня», а про жениха говорилось: «Никогда такая слава / Не бывала жениху, / На селе простому парню, / Овцеводу-пастуху. / Эх, Никита, наша гордость, / На груди сияет орден: / Мать-Отчизна наградила / За его труды-рекорды» [27].

Канул в лету аскетизм комсомольских свадеб. Так, комсомольцы из Никифоровского района доярка Нина Антипова и шофер Владимир Свиридов приехали на свадьбу в местную чайную с кортежем в 12 саней. От райкома партии и райисполкома молодоженам подарили «красивый дорогой ковер», от райкома комсомола – радиоприемник [25].

В свадебных ритуалах стали широко использоваться элементы народных традиций. Например, на комсомольской свадьбе Александра Волосатова и Светланы Шаровой на Жердевском сахарном заводе использовались традиционные тройка, хлеб-соль, русские народные напевы и пляски. Центральной частью свадьбы стал веселый молодежный бал [15, д. 1428, л. 43].

Комсомольско-молодежная печать популяризовала комсомольские свадьбы именно как хранительницы народных традиций. Так, 24 января 1958 г. газета «Комсомольское знамя» рас-

сказывала о свадьбе в колхозе «Завет Ильича» Мичуринского района: «Обе невесты в венках белых цветов – по старому русскому обычаю! Настоящая русская свадьба!».

Тамбовским обкомом ВЛКСМ напрямую ставилась задача «впитать все то лучшее, что приобретено народом за многие годы» [15, д. 1136, л. 12]. Предпринимались шаги к широкому использованию на массовых советских праздниках народных игр, катаний на лошадях. В докладе на пленуме обкома ВЛКСМ с сожалением говорилось: «Мы совершенно забыли народные виды спорта: русскую лапту, городки, забыли и не умеем заливать ледяные горки, делать ледянки, не найдешь у нас в селе качелей, каруселей, гигантских шагов и т.д.» [15, д. 1136, л. 13].

ЦК ВЛКСМ приложил заметные усилия к укреплению практики проведения массовых бытовых торжеств, более культурному обслуживанию посетителей в органах ЗАГС. В 1958 г. Центральный Комитет комсомола направил в ЦК КПСС и Совет Министров СССР письмо, в котором говорилось о «многочисленных» предложениях по возобновлению «некоторых элементов старого и улучшению современного ритуала свадьбы». В письме негативно оценивалось «забвение многих старых обычаев», подчеркивалось, что их значительная часть «не имела никакого отношения к церкви и религии», отмечалась «оказанность» процедуры регистрации брака в органах ЗАГС [28, д. 940, л. 1-5]. О целесообразности «придания большей торжественности» регистрациям брака говорилось и на XIII съезде ВЛКСМ (апрель 1958 г.) [32, с. 37-38]. В ЦК ВЛКСМ разработали даже проект указа Президиума Верховного Совета СССР «О придании торжественности акту вступления в брак и мероприятиях по улучшению жилищно-бытовых условий молодоженов», «Некоторые предложения по свадебному ритуалу» и «Примерный порядок бракосочетания». Центральный Комитет ВЛКСМ настаивал подчиненных на использование всего лучшего от старого свадебного обряда, но с обязательным отрицанием его религиозного содержания. В планах ЦК ВЛКСМ обязательным местом проведения комсомольской свадьбы выступал клуб,

где надлежало не только провести регистрацию брака, но и силами комсомольцев и работников культуры организовать свадебное гуляние с песнями, танцами, увлекательными играми.

В условиях Тамбовской области в утверждении новой культуры досуга огромную роль сыграло фестивальное движение второй половины 1950-х годов [6]. Попытки окончательного замещения новыми праздниками религиозного праздничного календаря получили широкое распространение в 1958-1960 гг., когда новое массированное наступление на религию совпало с проведением «комсомольской двухлетки культуры».

Праздником русской зимы был встречен Новый 1958-й год в Тамбовском государственном педагогическом институте. Фасад здания, где проходил праздник, был украшен русскими народными орнаментами, забавными фигурками, сосновыми ветками. Не допускался вход без масок и карнавальных костюмов. Были проведены конкурсы на лучший костюм и маску, шествие ряженых, состоялись катания с горок, фейерверк. На второй день праздника устроили катания на тройках лошадей с колокольчиками, выступления институтских хора и оркестров [24].

Симптоматично, что советская пропаганда сама обращала внимание на то, что, несмотря на все грандиозные достижения науки, нельзя отказываться от народных традиций: «И хотя теперь известна / Нам стремительность ракет, / Но на масленицу с песней / В санках мчаться – / Лучшее нет!» [19]

Элементы традиционной праздничной культуры (катание на тройках, игры, песни, пляски, соревнования, общее гуляние, коллективные и семейные застолья) целенаправленно сочетались с современными составляющими советского торжества (выступления коллективов художественной самодеятельности, митинги, подведение итогов социалистического соревнования, выставки, парады физкультурников).

Причем чувствовалось своеобразное «наступление» традиционной культуры на современность. В советский быт все настойчивее внедрялись элементы старого. Так, в начале изучаемого периода участие в кулачных боях рассматривалось как одно из самых одиозных

проявлений «пережитков прошлого». В селах Поповка, Гололобовка и Еремеево Старо-Юрьевского района только в 1962 году впервые удалось предотвратить проведение кулачных боев [14, д. 12113, л. 48]. Но поскольку тайное проведение кулачных боев совсем изжить не удалось, атеисты решили использовать кулачные бои, отделив их в общественном сознании от религии. В конце изучаемого периода официальная пропаганда стала подчеркивать, что кулачные бои – яркие проявления народной культуры.

5 апреля 1964 г. областная комсомольско-молодежная газета «Комсомольское знамя» опубликовала статью И. Гладких «Держись, ребята: секретарь засучивает рукава!». Рассказывая о проходах русской зимы в Ново-Томниково Моршанского района, автор отмечал, что «эта традиция не нами заведена, и с ней на селе никто не борется», что традиция «закаляет человека». Не в качестве критики, а с одобрением говорилось, что в кулачных боях участвовали секретарь комсомольской организации совхоза, студент Моршанского строительного техникума, другие передовые комсомольцы.

И все же приходится, однако, признать, что на практике в российской глубинке новые обряды («с элементами народных традиций») не приживались так широко, как хотелось их инициаторам. Во всяком случае, комсомольские свадьбы не стали панацеей от религиозных обрядов, связанных со вступлением в брак, а иногда проходили даже параллельно. В 1961 г. в качестве наиболее вредных проявлений религиозности руководящие органы областной комсомольской организации приводили примеры венчания комсомольских активистов в Ракшинском районе [15, д. 11870, л. 25]. При проведении комсомольских свадеб по-прежнему проявлялись некоторые наиболее живучие религиозные приметы и обычаи. Например, сохранилась традиция не устраивать свадьбы в периоды, совпадающие с постами [3, с. 103].

Не спасали комсомольские свадьбы и от проведения, называемого в комсомоле «пережитками прошлого». Так, в 1958 г. студент 1-го курса спортфака Тамбовского пединститута Б. после комсомольской свадьбы и «медового месяца», будучи пьяным, избил и выгнал жену, попутно

поколотив несколько студентов в общежитии [11, д. 1143, л. 49].

Вместе с тем, нельзя и игнорировать тот факт, что пропаганда комсомольских свадеб, проведение торжественных чествований передовиков производства, все более активные попытки внедрения гражданских обрядов «наречения имени новорождённому», «торжественного получения первой зарплаты», «вручения паспорта гражданина СССР», «Дни урожая», «Праздники первой борозды», «Праздника русской зимы», «Вечеров трудовой славы» и т.п. формировали систему новой советской обрядности, которая все больше сжимала сферу влияния обрядности религиозной.

Для российской глубинки по-прежнему было характерно своеобразное двоеверие. Секретарь Тамбовского обкома ВЛКСМ признавал в мае 1962 г.: «В домах, где живут комсомольские активисты и комсомольцы, углы заполнены иконами. В Мичуринском районе иконостасы можно встретить в абсолютном большинстве Домов агитаторов. В дни религиозных праздников, особенно в пасхальные дни, огромное количество детей, многие молодые семьи посещают церкви» [14, д. 11870, л. 26]. Признавал он и то, что многие комитеты комсомола, не смотря на все призывы к усилению антирелигиозной работы, проявляют либерализм по отношению к родителям, чьи дети посещают церковь, непринципиально, беззубо относятся к участвовавшим в религиозных обрядах, забывают о том, что участие в них и пребывание в комсомоле, согласно Уставу ВЛКСМ, не совместимы.

Пропаганда атеизма велась периодически, приурочивалась к дням, предшествующим религиозным праздникам. Наиболее действенной формой антирелигиозной деятельности – индивидуальной работой с верующими комсомольские активисты занимались крайне редко.

Призывы к строгости по отношению к участвующим в религиозных обрядах на местах зачастую не срабатывали. Так, крестины, как правило, не вызывали сколько-нибудь заметной реакции ни у партийной, ни у комсомольской организации. Например, в конце 1962 г. окрестили своих детей 16 рабочих ТВРЗ, в том числе два комсомольца. Но ни партийная,

ни комсомольская организация до вмешательства руководящих органов на это не прореагировали. Секретарь промышленного обкома КПСС П.А. Забавников в 1963 г. отмечал у комсомольцев и коммунистов недопустимый либерализм к носителям религиозных предрассудков, которые «справляют религиозные обряды, отмечают религиозные праздники, крестят детей, имеют в своих домах иконы» [16, д. 17, л. 33].

Время от времени в комсомольско-молодежной печати и на различных комсомольских собраниях организовывались выступления «раскаявшихся» бывших верующих. Однако вряд ли стоит безоговорочно признавать их безусловную полезность для атеистического воспитания. Как правило, они отличались противоречивостью, а то и запутанностью мыслей. В этом смысле показательно выступление перед тамбовскими комсомольцами некоего Пономарева. В его речи явно присутствовал обвинительный уклон: «С малых лет, можно сказать, с самых пеленок, меня начиняли религиозным туманом», «не допустим, чтобы религиозный дурман мутил головы молодежи», «чтение художественной литературы заменялось чтением святого писания», «что мне дала эта религия, я затрудняюсь сказать, я не помню такого случая, чтобы церковь помогла мне в чем-то». Вместе с тем, конкретных примеров вреда со стороны церкви Пономарев не приводил, все свелось к детской обиде на мать, которая выразила недовольство приглашением оркестра на похороны отца («с этого у меня, по-видимому, началось брожение») [17, д. 11, л. 80-81].

Констатируя серьезные недостатки в научно-атеистической пропаганде среди юношей и девушек, в апреле 1963 г. ЦК ВЛКСМ разослал в комитеты ВЛКСМ областных и краевых комитетов записку отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ «О состоянии религиозности среди молодежи». Вновь высказывалось требование «обеспечить усиление антирелигиозной работы комсомольских организаций, создание разнообразной и постоянно действующей системы атеистического воспитания, способной предотвратить влияние религии на молодежь и особенно на детей и подростков» [17, д. 2, л. 64].

В записке вполне обоснованно говорилось о необходимости атеистов глубже знакомиться с содержанием проповедей и вообще современной тактикой религиозных организаций. По мнению отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, «церковники и сектанты давно поняли, что им невозможно привлечь юношей и девушек, если они будут оперировать «дедовскими» аргументами», а «наша атеистическая пропаганда еще плохо учитывает приспособленческую тактику религии» [17, д. 11, л. 65]. Провозглашалось: «Новое, что появилось в работе церковников и сектантов в последнее время – это явно выраженная ставка на молодежь. Стремление усилить свое влияние среди молодежи является главным направлением в деятельности православной и католической церкви, объединений христиан-баптистов, пятидесятников и адвентистов» [17, д. 11, л. 66].

Основной недостаток научно-атеистической пропаганды виделся в слабой действенности («она не доходит до главного объекта – верующего»). Справедливо подчеркивалось: «Зачастую атеистическое воспитание ведется в старых, заштампованных формах – сплошные лекции, или на худой конец вечер вопросов и ответов». Чрезвычайно актуально звучала цитируемая фраза священнослужителя из Свердловской области: «Антирелигиозная пропаганда нам не мешает. Атеисты работают в клубах с атеистами, а мы в церкви с верующими» [17, д. 93, л. 74].

Было признано, что особенно серьезными недостатками грешит работа среди сектантов: «Зачастую она ведется абстрактно, без знания дела, все секты сваливаются в одну кучу и их члены безоговорочно объявляются «пособниками Запада» или «тунеядцами» [17, д. 93, л. 74]. Подчеркивалась важность разграничения идеологии сектантства и ее носителей, которые назывались в документе «членами нашего социалистического коллектива», «рядовыми советскими людьми», «доверчивыми людьми». Осуждалось «голое администрирование», связанное с увольнениями сектантов с работы, исключениями из вузов и техникумов, переводами в другие рабочие коллективы и школы.

Впрочем, данные тезисы, несколько успокаивающие верующих, соседствовали с отрицанием

принципа «мирного сосуществования» с религией. В документе вновь присутствовали термины «атеистическая наступательность», «фронт научно-атеистической пропаганды», призывы к борьбе с безнаказанностью нарушителей советского законодательства о религиозных культах, воспитанию у каждого комсомольца качества непримиримого, воинствующего борца с религией [17, д. 93, л. 74-75].

Показательно, что именно летом 1963 г. лучшая телятница совхоза «Питимский» 22-летняя Александра Лазутина, которой ранее было присвоено звание ударника коммунистического труда, была подвергнута унижительным публичным «проработкам» только за то, что носила крест и иногда посещала церковь. «Ударник коммунистического труда с крестом на шее» – прозвучало на пленуме Тамбовского сельского обкома ВЛКСМ как обвинение в бездействии всей системе атеистического воспитания в комсомоле («Посмотрели на проценты сохранности (телят), но не заглянули в душу человека») [18, д. 8, л. 12.].

В июне 1963 г. состоялся пленум Тамбовского промышленного обкома ВЛКСМ, рассмотревший итоги июньского Пленума ЦК КПСС и III Пленума ЦК ВЛКСМ, посвященных очередным задачам партии и комсомола в идеологической работе. Вслед за центральными органами партии и комсомола обком подчеркнул, что антирелигиозная работа должна оцениваться не количеством проведенных мероприятий, а их результативностью и качеством. Вновь основной формой антирелигиозной работы была названа индивидуальная работа. Причем сделано это было «с оглядкой» на идеологических противников: «Церковники и сектанты не обращают в «православную» веру «целыми организациями», а обрабатывают индивидуально, причем ищут споткнувшихся, упавших, слабовольных людей. И, как правило, анализируя положение, мы видим, что это те люди, которые вышли из под нашего влияния» [17, д. 11, л. 12].

В выступлениях на пленуме признавалось, что на практике коммунистические пропагандисты атеизма часто проигрывают сторонникам религиозных взглядов. Например, секретарь Рассказовского горкома ВЛКСМ Прокудин го-

ворил: «В своей работе с баптистами мы забываем о том, что у них такие отточенные приемы и методы, что нам порой ... приходится стыдно, что нам поручено хорошее большое дело воспитания нового поколения, а мы по-настоящему не умеем работать... На занятиях в сектах и в церкви разговаривают с молодежью елейным голосом, а мы часто вместо того, чтобы побеседовать, начинаем кричать, создавать нервозность» [17, д. 11, л. 34].

Показательно, что призывая повышать компетентность пропагандистов атеизма, сами комсомольские лидеры показывали примеры антирелигиозной лексики, которая по своему характеру отнюдь не могла привлечь «колеблющихся». Тот же Прокудин заявлял: «Рассказово является одним из городов по большому количеству сект и церквей и всей остальной мрази» [17, д. 11, л. 33].

Впрочем, большинство организаторов воспитательной работы в конце изучаемого периода уже осознавали бесполезность радикальных шагов. От вышестоящих инстанций они предпочитали отписываться очередными планами антирелигиозной работы, но каких – либо решительных действий не предпринимали [22].

Более того, нередко в самом комсомоле осознавали главные недостатки своей антирелигиозной работы. Показательна в этом смысле статья А. Нищева «Не стоять в стороне, а наступать» в «Комсомольском знамени» от 15 апреля 1964 г. Автор справедливо замечал: «Нельзя говорить всерьез о хорошо поставленной работе до тех пор, пока мы не будем подходить к каждому человеку в индивидуальном порядке, с учетом всей его жизни, условий, в которых он живет, образования, которое он получил, людей, которые его окружают». Правильно говорилось и о том, что для успеха атеистической работы нужно иметь прочные и конкретные знания по религии. Но сама данная статья показывала, что на практике, как правило, все обстоит наоборот. Даже примеры, приведенные в нравоучительной публикации, отличались неконкретностью, недосказанностью, показывали, что и сам критик далек от знания темы.

Осознание необходимости в атеистической деятельности индивидуального подхода к веру-

ющим, прочных и конкретных религиоведческих знаний у пропагандистов атеизма соседствовало с практикой, где торжествовал кампанейский подход. Более того, атеистическая работа в комсомоле была в основном направлена не на борьбу с религиозными взглядами, а на закрепление атеистического мировоззрения у самих комсомольцев. Однако полностью преодолеть религиозное влияние по-прежнему не удавалось и внутри ВЛКСМ. Для союзной молодежи было характерно своеобразное двоеверие: показной атеизм в общественной деятельности соседствовал с сохранением религиозности в быту, конформизмом комсомольцев по отношению к активным верующим, особенно из числа родственников.

Пропагандисты атеизма попытались отделить от религии народные традиции, приспособить их под пропаганду коммунистической идеологии и советского образа жизни. С помощью новой советской обрядности все более узкой становилась сфера влияния обрядности религиозной. Как справедливо отмечал И.В. Кометчиков, «устанавливается более тесная взаимосвязь между политикой по внедрению советского праздника и его рецепцией на основе включения «приемлемого» старого в новое, что сопровождается окончательное размывание традиционной праздничной культуры деревни» [3, с. 105]. Мы в свою очередь должны отметить в этом процессе огромную роль комсомола.

Отвлечению молодежи от религии служила не столько антирелигиозная работа комсомола в узком смысле слова, сколько его успешная культурно-массовая работа, организация кружков различных направлений.

Осуществляя социальное воспитание – целенаправленную, организованную и контролируемую часть процесса социализации – в коллективе и через коллектив, комсомольские организации пытались защитить и поддержать в сложных, кризисных ситуациях не только членов своей организации, но и пионеров, трудных подростков и других представителей молодежных групп, помочь им в преодолении и компенсации неблагоприятных условий социализации. В конечном счете, это ограждало молодежь от влияния деструктивных религиозных организаций.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алейников В.Н. Хрущев и антицерковная кампания в СССР (50-60-е гг. XX в.) // Клио. 2011. №2. С. 96-98.
2. Баланцев А.В., Слезин А.А. Антирелигиозная деятельность раннего комсомола как фактор формирования общественных настроений российской провинции // Альманах современной науки и образования. 2012. №10. С. 30-33.
3. Кометчиков И. В. Советские праздники и обряды на селе Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг.: распространение и рецепция населением // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2. Ч. 2.
4. Кашеваров А. Н. Пропагандистский аспект антицерковной кампании 1958-1964 гг. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. №4. С. 86-93.
5. Подмарицын А. Г. Советская атеистическая пропаганда и практика в 50-х – начале 60-х годов XX столетия // Альманах современной науки и образования. 2013. № 11. С. 131-133.
6. Скребнев В.А., Ванин В.А. Фестивальное движение в российской провинции середины 1950-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №6. Ч. 2. С. 181-185.
7. Слезин А.А. Политический контроль среди молодежи 1920-х годов: победы на «фронте повседневности» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3. Ч. 2. С. 179-184.
8. Слезин А.А., Беляев А.А. Провинциальный комсомол в системе взаимоотношений советского государства и Русской православной церкви (1940-е – начало 1960-х гг.) // Политика и общество. 2010. № 1. С. 22-29.
9. Слезин А.А., Ванин В.А. Стиль внутрисююзной работы провинциальных комсомольских организаций середины 1950-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №10. Ч. 1. С. 50-58.
10. Табунщикова Л.В. Отношения между государством и церковью в период хрущевской «оттепели» (на примере Ростовской области) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 4. С. 68-71.
11. Уль Катарина. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 279-326.
12. Белкун Н. Прерванная молитва // Смена. 1958. №10.
13. Высоцкая Н. Чудеса своими руками // Комсомольское знамя. 1958. 5 марта.
14. ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1.
15. ГАСПИТО. Ф. П-1184. Оп. 1.
16. ГАСПИТО. Ф. П-8283. Оп. 1.
17. ГАСПИТО. Ф. П-8624. Оп. 1.
18. ГАСПИТО. Ф. П-8625. Оп. 1.
19. Зорин В. Тройка // Комсомольское знамя. 1958. 14 февраля.
20. Егоров В. Под черным флагом // Комсомольское знамя. 1964. 14 июня.
21. Ермилов Е. О чести, совести и Уставе ВЛКСМ // Комсомольское знамя. 1958. 9 мая.
22. «Крестик на шее» // Комсомольское знамя. 1963. 1 декабря. 1964. 7 февраля.
23. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). 9-е изд., доп. и испр. М., 1985. Т. 8.
24. Михайлов В. Праздник русской зимы // Комсомольское знамя. 1958. 14 февраля.
25. Михайлов И. Совет да любовь! // Комсомольское знамя. 1958. 7 февраля.
26. Морозов Е. Воспитывать молодежь пламенными атеистами // Комсомольское знамя. 1958. 9 апреля.
27. Папочкин И. Прислушаться к голосу масс // Комсомольское знамя. 1956. 7 октября.
28. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32.
29. Самойлов А. Хватит ждать манны с неба // Комсомольское знамя. 1958. 30 мая.
30. Свириев И. Изуверы // Комсомольское знамя. 1964. 19 июля.
31. Тамбовская XI областная конференция ВЛКСМ // Комсомольское знамя. 1958. 28 января.
32. XIII съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. М.: Молодая гвардия, 1958.
33. Йошкин М.В. Атеистическая деятельность комсомола Тамбовской области в 1960-1961 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №9. Ч. 1. С.63-64.

34. Скоропад А.Э. Антирелигиозная деятельность комсомола как звено советской системы политического контроля (1918-1929 гг.) // Социодинамика.-2014.-8.-С. 112-131. DOI: 10.7256/2409-7144.2014.8.12774. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_12774.html
35. Слезин А.А. Специфика политико-просветительной работы среди молодежи российской провинции в конце 1950-х годов // Политика и Общество.-2014.-№5.-С. 598-606. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.5.12219.
36. Королева Л.А., Молькин А.Н. Религиозность советского населения в 1960-1980 гг. (по материалам Пензенской области) // Genesis: исторические исследования.-2014.-1.-С. 17-23. DOI: 10.7256/2409-868X.2014.1.10344. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_10344.html
37. Иошкин М.В. Комсомольская свадьба в системе атеистических действий на рубеже 1950-1960-х годов. // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2014. – №3. – С. 147-152.
38. Шитова А.А. Антирелигиозная борьба и изменения праздничных традиций в 1920-е годы // Genesis: исторические исследования.-2015.-2.-С. 66-76. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.2.14358. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_14358.html
39. Скоропад А.Э. Антирелигиозная деятельность комсомола как звено советской системы политического контроля (1918-1929 гг.) // Социодинамика.-2014.-8.-С. 112-131. DOI: 10.7256/2409-7144.2014.8.12774. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_12774.html
40. Слезин А.А., Скоропад А.Э. Теоретические основы функционирования раннего комсомола в системе советского политического контроля // Социодинамика.-2014.-2.-С. 75-98. DOI: 10.7256/2409-7144.2014.2.10696. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10696.html
41. Пролетенкова С.Е. Методология противодействия экстремизму // Полицейская деятельность.-2013.-2.-С. 125-128. DOI: 10.7256/2222-1964.2013.02.10.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aleinikov V.N. Khrushchev i antitserkovnaya kampaniya v SSSR (50-60-e gg. KhKh v.) // Klio. 2011. №2. S. 96-98.
2. Balantsev A.V., Slezin A.A. Antireligioznaya deyatel'nost' rannego komsomola kak faktor formirovaniya obshchestvennykh nastroyenii rossiiskoi provintsii // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. 2012. №10. S. 30-33.
3. Kometchikov I. V. Sovetskie prazdniki i obryady na sele Tsentral'nogo Nechernozem'ya 1945 – nachala 1960-kh gg.: rasprostranenie i retseptsiya naseleniem // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 2. Ch. 2.
4. Kashevarov A. N. Propagandistskii aspekt antitserkovnoi kampanii 1958-1964 gg. // Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2013. T. 14. №4. S. 86-93.
5. Podmaritsyn A. G. Sovetskaya ateisticheskaya propaganda i praktika v 50-kh – nachale 60-kh godov XX stoletiya // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. 2013. № 11. S. 131-133.
6. Skrebnev V.A., Vanin V.A. Festival'noe dvizhenie v rossiiskoi provintsii serediny 1950-kh godov // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. №6. Ch. 2. S. 181-185.
7. Slezin A.A. Politicheskii kontrol' sredi molodezhi 1920-kh godov: pobedy na «fronte povsednevnosti» // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 3. Ch. 2. S. 179-184.
8. Slezin A.A., Belyaev A.A. Provintsial'nyi komsomol v sisteme vzaimootnoshenii sovetskogo gosudarstva i Russkoi pravoslavnoi tserkvi (1940-e – nachalo 1960-kh gg.) // Politika i obshchestvo. 2010. № 1. S. 22-29.
9. Slezin A.A., Vanin V.A. Stil' vnutrisoyuznoi raboty provintsial'nykh komsomol'skikh organizatsii serediny 1950-kh godov // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. №10. Ch. 1. S. 50-58.
10. Tabunshchikova L.V. Otnosheniya mezhdru gosudarstvom i tserkov'yu v period khrushchevskoi «ottepeli» (na primere Rostovskoi oblasti) // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2011. № 4. S. 68-71.
11. Ul' Katarina. Pokolenie mezhdru «geroicheskim proshlym» i «svetlym budushchim»: rol' molodezhi vo vremya «ottepeli» // Antropologicheskii forum. 2011. № 15. S. 279-326.
12. Belkun N. Prervannaya molitva // Smena. 1958. №10.
13. Vysotskaya N. Chudesa svoimi rukami // Komsomol'skoe znamya. 1958. 5 marta.
14. GASPITO. F. P-1045. Op. 1.
15. GASPITO. F. P-1184. Op. 1.

16. GASPITO. F. P-8283. Op. 1.
17. GASPITO. F. P-8624. Op. 1.
18. GASPITO. F. P-8625. Op. 1.
19. Zorin V. Troika // Komsomol'skoe znanya. 1958. 14 fevralya.
20. Egorov V. Pod chernym flagom // Komsomol'skoe znanya. 1964. 14 iyunya.
21. Ermilov E. O chesti, sovesti i Ustave VLKSM // Komsomol'skoe znanya. 1958. 9 maya.
22. «Krestik na shee» // Komsomol'skoe znanya. 1963. 1 dekabrya. 1964. 7 fevralya.
23. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK (1898-1986). 9-e izd., dop. i ispr. M., 1985. T. 8.
24. Mikhailov V. Prazdnik russkoi zimy // Komsomol'skoe znanya. 1958. 14 fevralya.
25. Mikhailov I. Sovet da lyubov'! // Komsomol'skoe znanya. 1958. 7 fevralya.
26. Morozov E. Vospityvat' molodezh' plamennymi ateistami // Komsomol'skoe znanya. 1958. 9 aprelya.
27. Papochkin I. Prislushat'sya k golosu mass // Komsomol'skoe znanya. 1956. 7 oktyabrya.
28. RGASPI. F. M-1. Op. 32.
29. Samoilov A. Khvatit zhdat' manny s neba // Komsomol'skoe znanya. 1958. 30 maya.
30. Sviryaev I. Izuveriy // Komsomol'skoe znanya. 1964. 19 iyulya.
31. Tambovskaya XI oblastnaya konferentsiya VLKSM // Komsomol'skoe znanya. 1958. 28 yanvarya.
32. XIII s'ezd VLKSM. Stenograficheskii otchet. M.: Molodaya gvardiya, 1958.
33. Ioshkin M.V. Ateisticheskaya deyatel'nost' komsomola Tambovskoi oblasti v 1960-1961 gg. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. №9. Ch. 1. S.63-64.
34. Skoropad A.E. Antireligioznaya deyatel'nost' komsomola kak zveno sovetsskoi sistemy politicheskogo kontrolya (1918-1929 gg.) // Sotsiodinamika.-2014.-8.-C. 112-131. DOI: 10.7256/2409-7144.2014.8.12774. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_12774.html
35. Slezin A.A. Spetsifika politiko-prosvetitel'noi raboty sredi molodezhi rossiiskoi provintsii v kontse 1950-kh godov // Politika i Obshchestvo.-2014.-№5.-C. 598-606. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.5.12219.
36. Koroleva L.A., Mol'kin A.N. Religioznost' sovetsskogo naseleniya v 1960-1980 gg. (po materialam Penzenskoi oblasti) // Genesis: istoricheskie issledovaniya.-2014.-1.-C. 17-23. DOI: 10.7256/2409-868X.2014.1.10344. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_10344.html
37. Ioshkin M.V. Komsomol'skaya svad'ba v sisteme ateisticheskikh deistvii na rubezhe 1950-1960-kh godov. // Voprosy sovremennoi nauki i praktiki. Universitet im. VI. Vernadskogo. – 2014. – №3. – S. 147-152.
38. Shitova A.A. Antireligioznaya bor'ba i izmeneniya prazdnichnykh traditsii v 1920-e gody // Genesis: istoricheskie issledovaniya.-2015.-2.-C. 66-76. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.2.14358. URL: http://www.e-notabene.ru/hr/article_14358.html
39. Skoropad A.E. Antireligioznaya deyatel'nost' komsomola kak zveno sovetsskoi sistemy politicheskogo kontrolya (1918-1929 gg.) // Sotsiodinamika.-2014.-8.-C. 112-131. DOI: 10.7256/2409-7144.2014.8.12774. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_12774.html
40. Slezin A.A., Skoropad A.E. Teoreticheskie osnovy funktsionirovaniya rannego komsomola v sisteme sovetsskogo politicheskogo kontrolya // Sotsiodinamika.-2014.-2.-C. 75-98. DOI: 10.7256/2409-7144.2014.2.10696. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_10696.html
41. Proletenkova S.E. Metodologiya protivodeistviya ekstremizmu // Politseiskaya deyatel'nost'.-2013.-2.-C. 125-128. DOI: 10.7256/2222-1964.2013.02.10.